

Н. А. Папоркова

Значение поэтического наследия М. Ю. Лермонтова в творчестве Л. Н. Советникова

Статья посвящена выявлению значения лермонтовских традиций в поэзии Леонида Советникова на материале поэтического сборника «Спящий куст» и других отдельных публикаций. Автор статьи рассматривает лермонтовские традиции как значимую составляющую художественного мироощущения Леонида Советникова – одного из самых талантливых и ярких поэтов Ярославской области.

Ключевые слова: Лермонтов, Советников, лермонтовские традиции, поэзия, поэт, стихотворение, строки, мотивы, лирика, мироощущение, эпоха.

N. A. Paporkova

Value of M. Ju. Lermontov's Poetic Heritage in L. N. Sovetnikov's Works

This article focuses on identifying the value of Lermontov's traditions in Leonid Sovetnikov's poetry, on the material of poetry collection "A Sleeping Bush" and other selected publications. The author examines Lermontov's traditions as a significant component of the artistic disposition of Leonid Sovetnikov, one of the most talented and brilliant poets of the Yaroslavl region.

Keywords: Lermontov, Sovetnikov, Lermontov's traditions, poetry, a poet, a poem, a line, motives, lyrics, world perception, an epoch.

И в душе, блуждающей в дыму,
И в стране, где пошлое в почете,
Лирика бывает на излете
И почти не нужной никому. [2, с. 132]

На наш взгляд, эти строки современного поэта Леонида Советникова очень точно выражают состояние лирики в наше время. Неумолимая скорость жизни порой уносит за собой не только мгновенное и преходящее, но и то, что некогда было самым дорогим и ценным для многих предшествующих поколений. Унесет ли время первозданную лирическую сущность стихотворения и память о его назначении в мире – в понимании А. С. Пушкина и М. Ю. Лермонтова, так давно и так рано ушедших из этой жизни? Но, вспоминая двух великих русских поэтов, чьи имена почти неразлучны в нашем сознании, мы все же не можем провести между ними некую непреодолимую грань. И это касается не только «солнечности» Пушкина и «сумрачности» Лермонтова, о которых столько говорили критики, философы, поэты и писатели. Это касается двух разных эпох, в которые довелось жить Пушкину и Лермонтову. Пушкин как будто угадал время своего появления на свет: он явился именно к тому моменту, когда поэтическая эпоха должна была достигнуть своего расцвета. Таким обра-

зом, мы не можем сказать, что поэтический дар Пушкина формировался вопреки сложившимся историческим условиям. Ситуация Лермонтова – совсем иная. Годы правления Николая I, на которые пришлась вся его короткая жизнь, были эпохой реакции и застоя. Прежние романтические идеалы свободы, счастья и справедливости, наполнявшие пушкинскую юность, казались уже недостижимыми и иллюзорными. Общество пребывало в состоянии духовной скованности, раздвоенности, разочарования и сложного внутреннего поиска, лишённого прежних надежд. Может быть, именно поэтому поэтическое мировоззрение Лермонтова столь явно разделено непримиримой чертой на светлую гармонию и темное отчаяние, христианское смирение и гордый протест... То есть поэт явился в мир с той же высокой миссией, что и его предшественник Пушкин, но в жизненной реальности, которая его окружала, он не видел возможности и не находил душевных сил воплотить все то, что было дано ему свыше. Но он воплощал в стихах боль, отчаяние, одиночество и неутрачиваемое стремление к недостижимому идеалу. Он не стал «вторым Пушкиным», а прошел собственный путь и обрел свой неповторимый голос.

Одиночество человека в мире – вечная тема и вневременной мотив. Но именно лермонтовское

ощущение одиночества, не только человеческого, но и поэтического, глубокое чувство несозвучности своей эпохе, несовпадения с нею – вот свойства мировоззрения, которые, на наш взгляд, очень близки современным поэтам. Поскольку поэзия в наше время, как бы ни хотелось верить в лучшее, – действительно «бывает на излете / и почти не нужной никому» [2, с. 132]. Особенно если эта поэзия далека от модных веяний и течений, свободна от каких бы то ни было жестких требований времени и подчинена лишь своим особым внутренним законам.

Обратимся к творчеству Леонида Советникова, одного из самых талантливых и ярких поэтов Ярославской области, и попытаемся выявить значение лермонтовских традиций в его художественном мироощущении.

Леонид Николаевич Советников родился в 1955 г. в Рыбинске, где и живет в настоящее время. Стихи пишет с детства. В 1975 г. окончил Рыбинский полиграфический техникум, затем служил в армии, трудился в конструкторском бюро полиграфического машиностроения. В 1978 г. устроился на работу в фонды рыбинского филиала областного государственного архива, одновременно поступив учиться в институт, на историко-филологическое отделение. В 25 лет пережил тяжелое испытание. Выполняя производственное задание, получил тяжелую травму позвоночника с повреждением спинного мозга. Заново учился ходить. Врачи и родные спасли его, но учебу в вузе пришлось оставить. В конце 80-х – начале 90-х гг. вошел в литературную группу «Коридор», в составе которой также были Александр Калинин, Дмитрий Сорокин, Владимир Перцев и некоторые другие поэты Ярославской области. Стихи Леонида Советникова опубликованы в коллективном сборнике «Коридор-2».

В 1996 г. поэт принял участие в работе Всероссийского совещания молодых писателей, удостоился диплома и в 1997 г. вступил в Союз российских писателей. В это время его стихи публиковались в литературной газете «Очарованный странник». В том же, 1997 г. вышел первый сборник стихов «Келья с калейдоскопом», в 2000 г. – второй сборник стихов «Под небом севера». В 2006 г. в Рыбинске вышла книга «Спящий куст. Избранное». Стихи Л. Советникова также можно увидеть в периодических изданиях Рыбинска и Ярославской области, в журналах «День и Ночь», «Дети Ра», в интернет-журнале «Парус», на сайте «Поэзия.ру».

Леонид Советников не считает себя романтиком. Ему ближе импрессионизм Иннокентия Анненского, запечатлевающего мгновения жизни в их безвозвратной, ускользающей красоте, и тонкая, горестная ирония Георгия Иванова. Об этом поэт говорил в эссе под названием «За два предела», опубликованном в литературном издании «Очарованный странник»: «К началу XX столетия стихотворное пространство общелирической ойкумены оказалось освоенным до двух крайних пределов: душевного микрокосма И. Анненского и "сияющей пустоты" Г. Иванова» [6]. Казалось бы, как могут быть одинаково близки два таких разных, непохожих мира. Но то, что разъединяет Иннокентия Анненского, с его стремлением страдать всему живому, и Георгия Иванова, с его эстетизмом, порой нарочито холодным и отрешенным, оказывается лишь разными гранями единого целого. Лирический герой Анненского в своей тревожной любви к миру и тоске по нему болезненно и остро ощущает, что любое наше чувство ограничено строго очерченной сферой человеческого «я». Невозможность преодолеть границы своего «эго» отделяет друг от друга даже самые родные души и разделяет наш общий мир на множество одиноких маленьких миров, среди которых тоскующий герой повторяет имя «одной звезды»... Герой стихотворений Георгия Иванова, любясь холодными синими звездами, в действительности до боли дорожит жизнью, тревожно и безмерно любит ее, страдая от одной мысли, что все живое обречено в этом мире на гибель. Каждый поэт оказывается одинок в своем страдании, и это одиночество сближает их.

Но что именно роднит лирику Леонида Советникова с поэзией Лермонтова? Вспомним одну важную особенность лермонтовского мировосприятия: не просто одиночество в мире, но стремление постичь изнутри его закономерности. Почему ты одинок, что заставляет тебя испытывать вечную тоску по родной душе, по ушедшему детству, по светлой гармонии с жизнью? Что мешает достичь этой гармонии наяву, пока жизнь еще продолжается? Герой стихотворений Лермонтова ищет ответа на этот вопрос в метафизическом пространстве «Ангела», в медитативном настроении «И скучно, и грустно», в романтических поэмах и в исторической реальности своей эпохи, воплощенной в стихотворении «Дума»... Лирический герой Леонида Советникова так же беспрестанно, явно или неявно, открыто или имплицитно пытается разрешить этот вопрос. Интонационное родство с лермонтовским «И скуч-

но, и грустно» мы встречаем в стихотворении «Снег не таял в буграх низин», которое лишь с первых двух четверостиший может показаться образцом пейзажной лирики, в действительности же – намного сложнее и глубже: «Двух несхожих миров верста. / Я набрел на ее извивы, / Как на фразу, что жизнь – пуста... / И согласно кивали ивы» [2, с. 127]. Вспомним строки Лермонтова: «И жизнь, как посмотришь с холодным вниманьем вокруг – / Такая пустая и глупая шутка...» [5]. Образ «двух несхожих миров» очень точно выражает сущность художественного «двоемирия», столь близкого Лермонтову. Эпитет «пустая», и у Лермонтова, и у Советникова относящийся к жизни, тоже является неотъемлемой частью «двоемирия». По одну сторону – ожидания от жизни, по другую – ее реальность, и они никак не могут слиться, а в пограничном между ними пространстве – пустота, в которой, как видится лирическому герою, и проходит большая часть времени, отведенного нам на земле.

Эта мысль получает развитие в другом стихотворении Леонида Советникова – «На огонь мы открыто глядим»: «Дальний берег похож на провал./Я ведь жизнью тебя называл» [2, с. 133]. И снова в этом ритмическом рисунке, в этой музыке трехстопного анапеста, соединяющего слова в двустопия, мы слышим отдаленные отголоски лермонтовского «Ангела», написанного близким по мелодике амфибрахийем: «Он душу младую в объятиях нес / Для мира печали и слез; / И звук его песни в душе молодой / Остался – без слов, но живой. / И долго на свете томилась она, желанием чудным полна; / И звуков небес заменить не могли / Ей скучные песни земли» [5].

Есть еще вариант развития этого образа: «Жизнь как платье давалась на вырост и вот – коротка» [2, с. 98]. Здесь явлен образ времени, который юный Лермонтов еще не мог осознать в полной мере, потому что его жизнь оборвалась слишком рано, только на подходе к тому возрасту, когда начинаешь чувствовать кожей краткость и безвозвратность человеческой жизни. Как ребенок до 7 лет не представляет самой возможности смерти, так романтический юноша примерно до 27 живет больше мечтами, чем реальностью, и не представляет по-настоящему, что жизнь может оказаться слишком короткой, чтобы тяготиться ею и ждать чего-то лучшего... Этот поворот в творчестве Лермонтова – от внутреннего мира переживаний к внешней реальности – успел лишь наметиться, но не успел завершиться. Леонид Советников оказался на грани жизни и смер-

ти примерно в том же возрасте, в каком Лермонтов погиб на дуэли. Вернувшись к жизни, поэт может быть, как никто другой, смог почувствовать ценность каждого мгновения, отпущенного свыше. Пережитое несчастье не сделало его равнодушным к миру и людям. Напротив, неравнодушные – одно из важнейших качеств его поэзии. Способность мгновенно отозваться на чужую боль, взбунтоваться против несправедливости и зла, разрушить карточный домик видимого благополучия, скрывающего обман – все это свойственно лирическому герою Советникова. И это снова роднит его с Лермонтовым, способным не только внимать «звукам небес», но изничтожить словом тех, в ком видит зло и порок, и «дерзко бросить им в глаза железный стих, / Облитый горечью и злостью!» [5]. Например, в стихотворении «Убогие»: «Есть коляски и трости у нас, / Но... дворовые! чуждой мы повести, / Что чиновша строчит, не чинясь / Наживаться на муках и горести» [3].

В стихотворение «Контрафакция», которое представляет собой очень вольный перевод монолога шекспировского Гамлета, мы видим, что этот Гамлет парадоксальным образом напоминает лирического героя Лермонтова, а само стихотворение имеет много общего с лермонтовской «Думой». Вот строки из этого стихотворения: «Да или нет – вопрос, что предпочесть. / Теряя разум, продавая честь, / Слабея волей, покоряться силе / Иль, выжидая, делать вид, чтоб мстили (...) Хоть не врага, но свой последний страх / Убей – не то уснешь, а он проснется / Подменой самой жуткой и больной: / Какой-нибудь сгнивающей страной / С раздавленностью заживо – народца» [2, с. 86].

Не считая себя романтиком, Леонид Советников являет юношескую свежесть восприятия мира и контрастность его видения, свойственную романтическим поэтам, в частности, Лермонтову. Это качество проявляется и в способности поэта, при всей трагичности и непреодолимости одиночества и «двоемирия», искренне любить, дорожить дружбой и душевным родством, которое, пусть на мгновение, но сближает одинокие души: «Снег. И веет холодом от окон. / Одинок в мире одинок. / Но едины лира и душа. / Можно быть провидцем и пророком, / Тишиной и нежностью дыша. / (...) Ничего в пространстве, кроме вьюги, / Чтоб молиться об ушедшем друге, / Может, самом близком на земле. / Он молчал о маленькой услуге – / О едином слове, о тепле» [2, с. 117].

Замечательные строки Леонид Советников посвятил памяти своего друга, поэта Константина Васильева: «В захолустье, где вечность сурова: / Кто услышит? дыши, не дыши – / Вдруг сорвется, как яблоко, слово, / Жизни тяжесть снимаемая с души. / Ах, какая великая зрелость / – В Спасов день умереть на земле! / Где лишь словом крещеному – пелось, / Сладко пелось в бесчувственной мгле» [2, с. 136]. В этом стихотворении возникает возможность преодоления мучительного «двоемирия» – с помощью музыки, песни – образа, символизирующего, в том числе, поэтическую лирику. Здесь Леонид Советников следует классической традиции, которая в разнообразных формах явлена и в творчестве Лермонтова.

Образ чистой, трепетной и нежной любви, которая стремится оградить близкого человека от всех страданий и тревог, открывается в этих строках: «Со свежего листа... Душисто веет снегом, / Декабрьский день цветет нежнее миндаля. / Соприкоснулась вновь со слишком близким небом / Такая ж как оно, проходящая, земля. / Но зябко снег пушит, теряя санный волок, / Уж прорубь в облаках синее через край. / И знаешь, если мрак и оголтелый холод / Я не переживу, – ты не переживай. / Не простирай тоски и горестней, и выше / Посеребренных звезд и выдохнутых роз. / Считай: в цветущий сад я ненароком вышел – / На мало и шутя. Надолго и всерьез» [2, с. 114]. Это стихотворение, к тому же, в чем-то созвучно лермонтовскому «Выхожу один я на дорогу»: тот же мотив пути, вечные образы неба и земли, и возможность завершения земного пути – как переход в другую реальность, в цветущий сад, символ свободы и покоя... Но и в том, и в другом стихотворении трагическое «двоемирие» отсутствует: грань между жизнью и смертью воспринимается почти неощутимой (у Лермонтова – «забыться и заснуть», у Советникова – ненароком выйти «в цветущий сад»). Красота здешней реальности и красота другого, еще невидимого мира не составляют антитезы, они равноценны, потому что являются частями единого целого: созданного Богом Бытия.

Кроме тяжелой, безысходной грусти, романтической мятежности и одиночества, есть в лирике Лермонтова и другая грань – светлые, гармоничные тона, музыка, способная возродить к жизни отчаявшиеся души. Например, «Молитва» («В минуту жизни трудную»), «Когда волнуется желтеющая нива», «Выхожу один я на дорогу» и другие стихотворения. То же самое мы можем сказать и о лирике Леонида Советникова. Тот же

мягкий, утешительный свет, который наполняет пространство стихотворения «Когда волнуется желтеющая нива», дышит в этих строках Советникова: «Еще не устала от щебета птица. / И, может, росой удивленья / Мы, дети тумана, сумеем плениться / И с миром достичь примиренья» [2, с. 131]; «Луч, стеклом окна задет, / На лучины стал колотья. / Божья родина – весь свет / До звезды на дне колодца. / Даже если нет звезды, / Свет дойдет, печаль растает. Как душа, в ковше воды / Дремлет щепка золотая» [2, 48]; «Воля не взволнована, как море, / Чайкам не завидуют глаза; / В отрешенном, безграничном зоре / Узнаны, как в капле, небеса» [2, с. 14].

В поэзии Лермонтова, больше сосредоточенной на внутреннем мире, чем на окружающей действительности, все-таки нет правил без исключений. Вспомним его исторические поэмы и стихотворения: «Песню про купца Калашникова...», «Бородино», «Валерик» и многие другие. У Леонида Советникова тоже есть стихотворения, в которых историческая реальность очень важна. Например, эти строки: «Сказки таинств лесных, быль прямых степей – / Что пригрезится, что будет душу греть? / Вылетал богатырь, мощный Челубей. / Выезжал Пересвет – инок или кметь? / Только ветры поют “степь да степь кругом”. / Новый век. Новый труд. Нужен вновь Святой, / Чтоб единой судьбы не раззять огнем, / Чтоб единой земли не разлить водой» [4].

А следующее стихотворение, к которому мы обратимся, – совершенно самостоятельно по своему лирическому сюжету, и вовсе не является повторением или отзвуком лермонтовской лиры: «Верить луне и сирени, / Что обещали тебя? / Тени, лишь хладные тени, / Мы не сольемся, любя. / Стаи, летящие к югу, / Вновь провожаем с тоской. / Ходим, как время, по кругу; / Ищем, как стрелки, покой. (...) Станешь над пропастью – плечи / Убраны в лунный атлас... / Ангел на небе погасит свечи / И не разбудит нас» [2, с. 138].

Но эти строки вызывают отчетливую ассоциацию с тем мистическим сюжетом, который представил Д. С. Мережковский в статье «Лермонтов. Поэт сверхчеловечества» – встречей Лермонтова с его возлюбленной Варенькой Лопухиной в новом, невидимом мире: «Может быть, и Варенька воскреснет иною, более прекрасною и вместе с тем точно такую же, даже до маленького родимого пятнышка над бровью, по которому ее узнает Лермонтов (...). И со “звуками небес” сольются эти не “скучные песни земли”. И, может быть, Лермонтов примет этот настоящий рай. А если

примет, то конец бунту в любви, конец богоборчеству в богосыновстве» [1, с. 378–416]. А может быть, еще ближе к этому сюжету другое стихотворение Советникова: «Есть пронизательность. Есть тайна. / Мы вновь приблизимся случайно, / Когда сойдет остаток лет. / Пространств весенних окрыленность / Пронижет душу, как влюбленность, / Как весть о том, что смерти нет. / Тогда, скользя прозрачной тенью / Меж праздностью и канителью, / Появишься, мой ангел, ты. / И будут в дымке предрассветной, / Как в легкой лирике заветной, / Сквозить небесные черты» [4].

«Неземная любовь к земле – особенность Лермонтова, едва ли не единственная во всемирной поэзии» [1, с. 378–416]. На наш взгляд, это определение очень точно и по отношению к поэзии Леонида Советникова. Приведем строки: «Догорел закат, лишь синий пепел тлеет / Золотыми искрами глубин. / Будто говорит: хоть сердце леденеет, до последних проблесков любви» [2, с. 131]. «Вкус поляники, прятки фиалок / И синевы до краев фиал... / Мира и света щедрый подарок, / Будто ребенок его приял» [2, с. 15]. «Взгляд покорен суровой простотой / Земли, где даже спящий куст врачует / Слепую душу, и слепая чует / Блаженства в небе отблеск золотой» [2, с. 112].

Таким образом, присутствие лермонтовских традиций в поэзии Леонида Советникова проявляется, прежде всего, на уровне отдельных мотивов, образов и сквозных тем, ритмико-интонационных созвучий и философско-метафизических параллелей. Необходимо отметить, что эти проявления – не сознательные заимствования, а часто интуитивные совпадения, особая форма творческого диалога, преодолевающего столетия:

И в душе, блуждающей в дыму,
И в стране, где пошлое в почете,
Лирика бывает на излете
И почти не нужной никому.

Но бывает!.. Птица в светлой роще
Так звенит иль речка меж камней –
Чем безвестней, тем родней и проще;
Чем родней, тем тише и грустней [2, с. 132].

Библиографический список

1. Мережковский, Д. С. М. Ю. Лермонтов. Поэт сверхчеловечества [Текст] / Д. С. Мережковский // В тихом омуте. Статьи и исследования разных лет / Д. С. Мережковский. – М., 1991. – С. 378–416.
2. Советников, Л. Н. Спящий куст. Избранное [Текст] / Л. Н. Советников. – Рыбинск: Рыбинский Дом печати, 2006.
3. Советников, Л. Н. Стихотворения [Электронный ресурс] / Л. Н. Советников. – Режим доступа: <http://www.poezia.ru/article.php?sid=89444>
4. Советников, Л. Н. Стихотворения [Электронный ресурс] / Л. Н. Советников. – Режим доступа: <http://www.hrono.ru/proekty/parus/sovet0811.php>
5. Лермонтов, М. Ю. Стихотворения [Электронный ресурс] / М. Ю. Лермонтов. – Режим доступа: <http://lermontov.chitalnya.ru/>
6. Советников, Л. Н. За два предела [Текст] / Л. Н. Советников // Очарованный странник. – 1996. – № 3.